

Жужанна КАЛАФАТИЧ

ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В КРИТИКЕ НОВОГО РЕАЛИЗМА

The generational narrative in criticism of New Realism

Abstract

The generational narrative in criticism of New Realism

In the late 20th century, New Realism emerged as a counterpoint to postmodern literature. The representatives of this school defined themselves in their manifestoes and critical writings as a generation with the same aesthetic and ideological principles. The anthology of New Russian Criticism, edited by Roman Senchin, is a demonstration of this common action. This study aims to present how and what elements of this generational consciousness and cultural identity are created, i.e. how thinking about literature has changed.

Keywords: *New Realism, New Russian Criticism, generation, generational narrative, manifesto*

В конце 1990-х годов, в менее политизированной литературной среде по сравнению с советским периодом, осознание кризиса становилось более явным. На литературную и культурную жизнь России на рубеже веков значительное влияние оказало то, что и литература, и литературная критика утратили свой престиж и центральную роль, характерные для более ранних периодов. Вместе с исчезновением читателей и отходом роли чтения на второй план уменьшились и тиражи книг, литературных журналов и периодических изданий. Неопределенность и переоценка ценностей характерны для всех кризисных ситуаций. Осознание кризиса привело к изменению взглядов на литературу, переоценке роли критики и введению нового критического восприятия и практики литературной критики. Согласно изложенному в книге Юлии Говорухиной, посвященной методам современной русской литературной критики, критика в либеральных журналах¹ во второй половине 1990-х была сосредоточена в первую очередь на анализе литературных текстов, в меньшей степени – на проблемах внетекстовой реальности, а постановка социальных вопросов и проблем практически полностью отошла на задний план. Эта практика сохранилась на рубеже веков, не исчезла и до сих пор, но наряду с ней укрепился и другой подход. Согласно не совсем новой интерпретации роли критика, отнюдь не неизвестной в истории русской критики, критик поднимает прежде всего социальные, философские и моральные вопросы, и интерпретация руководствуется и движется прочитанными

¹ К либеральным журналам относятся «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Звезда» и «Дружба народов». Хотя в связи с ними часто упоминается прилагательное «либеральный», необходимо учитывать, что и трактовка, и практика либерализма в России существенно отличаются от западных [ГОВОРУХИНА 2015: 338].

из произведения ответами, (предполагаемой) глубиной, искренностью и адекватностью анализа ситуации. [ГОВОРУХИНА 2019].

В литературе постсоветской эпохи существовало много направлений (нео-авангард, сюрреализм, концептуализм, неосентиментализм, метареализм, соц-арт, натурализм, реализм, новый реализм), но постмодернизм, несомненно, сыграл свою ведущую роль. В период с 1990 по 2000 годы был опубликован ряд монографий, посвященных русскому постмодернизму и его явлениям, в том числе работы М. Липовецкого, И. Скоропановой, В. Курицына, М. Эпштейна, М. Берга. В этих трудах в основном рассматривались особенности и уникальные черты русского постмодернизма, но также не обходились стороной вопросы о его кризисе, смене парадигмы и появлении новых подходов. Об изменении культурного контекста свидетельствуют стремление преодолеть постмодернистскую иронию, всепроникающее сомнение, возрождение референциальной установки текста, поиск трансцендентности, ценностей и истины. На рубеже тысячелетий в оппозиции постмодернизму возник новый реализм², представители которого в большинстве своем являются не только писателями, но и критиками, т.е. они могли / могут формировать литературные процессы на двух аренах одновременно. Как критики они как бы создавали то интерпретационное поле, которое также помогало восприятию их собственных художественных произведений. Само упоминание нового реализма как направления появилось в критических анализах и манифестах относимых к новому реализму писателей, а не возникло как название, навязываемое группе извне. Деятельности новых реалистов в значительной степени способствовал тот факт, что в своих трудах они определяли себя как новое поколение, которое требует места для себя и исповедует более или менее те же эстетические и мировоззренческие принципы. Поколенческое сознание, поколенческий нарратив появляется в работах почти каждого представителя нового реализма, и, таким образом, могут рассматриваться как важный элемент группообразующего самоопределения. Особенно ярко эту совместную акцию демонстрирует критическая антология «Новая русская критика. Нулевые годы» под редакцией Романа Сенчина [СЕНЧИН 2009]. В своей работе я рассматриваю, как создается это групповое сознание, из каких элементов составляется культурная идентичность новых реалистов, и можем ли мы действительно говорить о расцвете и обновлении критического мышления, как утверждает Роман Сенчин в предисловии к сборнику.

В историко-культурном смысле понятие поколения означает человеческие сообщества, члены которых взрослеют примерно в один и тот же период и считают себя единой группой. В данном социокультурном универсуме исторические события являются символами поколений, определяющими систему ценностей и особенности деятельности [ЯКОВЕНКО 2005: 113]. Самосознание поколения обычно формируется по отношению к другим современникам и другим периодам. На взгляд Мариэтты Чудаковой, принадлежность к одному поколению в культурной жизни определяется, с одной стороны, способностью реагировать

² Йозеф Горетить первым написал о русском новом реализме на венгерском языке [GORETTY 2013].

на слова времени, на вызовы эпохи, а с другой – условиями вступления в творческую карьеру [ЧУДАКОВА 1998: 26]. Хотя принадлежность к поколению зависит от временных рамок, ее также можно описать семантическими параметрами. Эти общие черты включают стремление к духовному самоопределению, восприятие и выражение собственной новизны и всего нового, ощущение некой миссии. Частое использование прилагательного «молодой» также имеет группообразующую силу, что хорошо видно в поколении писателей и критиков «нулевых». «Нулевыми» обычно называют представителей поколения миллениума, тех, кто родился и вырос во время или после распада Советского Союза, не посещал советскую школу и сознательно стремится выразить новое, постсоветское ощущение жизни. Наряду со сходностью их социального и культурного опыта, их творчество и дебют также приходится на начало 2000-х.³

Сергею Шаргунову, одной из ключевых фигур поколения «нулевых», был всего 21 год, когда в декабрьском номере «Новый мир» за 2001 год была опубликована его статья, которая может рассматриваться как манифест нового реализма.⁴ Заглавием «Отрицание траура» он сознательно воспроизводит эссе Виктора Ерофеева («Поминки по советской литературе»). Автор манифеста дает понять, что хранителями возрождения являются молодые, именно они выведут русскую литературу из тупика постмодернизма. Выдвинутые в манифесте темы заслуживают обобщающего подытоживания, поскольку они также появляются и варьируются в более поздних работах и критических обзорах. По мнению Шаргунова, постмодернизм подходит к концу, переживая мучительную агонию [ШАРГУНОВ 2001]. Он атакует всепроникающую и навязчивую иронию постмодернизма, в частности, своими творческими каламбурами, поскольку, по его мнению, все это становится неинтересным и скучным, поэтому пришло время замены. И именно представители нового реализма призваны это сделать, ведь их волнуют реальные социальные проблемы.⁵ Молодые люди, олицетворяющие новое, честны, они привносят свежесть (жизнь) и серьезность в агонизирующую литературную жизнь, но они в то же время являются и хранителями ценностей, продолжая традиции классической русской литературы. Антология «Новая русская критика» [СЕНЧИН 2009] также доказывает, что перечисленные термины (новизна, молодость, серьезность, честность, свежесть, уважение к традициям) стали ключевыми понятиями сначала в новореалистической критике, а затем в исследованиях нового реализма. Новореалистический нарратив также строится

³ Признанию молодых писателей и началу их карьеры способствовала также система литературных наград. В 2000 году Фонд «Поколение» учредил премию «Дебют», которой награждались писатели не старше двадцати пяти лет. С 2011 года возрастной ценз был увеличен до тридцати пяти лет. Инициатива закончилась в 2016 году.

⁴ Подробный анализ манифеста можно найти в исследовании Инны Калиты [КАЛИТА 2016: 71–74].

⁵ Сенчин приходит к аналогичному выводу в своей статье, опубликованной в том же году, что и манифест Шаргунова. «Десятилетнее господство постмодернизма, похоже, завершается. Он явился в своё время естественной реакцией, протестом против господства соцреализма, во многом искусственного, выхолощенного направления, подчиненного идеологии Советского государства. Но, как показывает история, и постмодернизм не стал органичным, родным русской литературе направлением.» [СЕНЧИН 2001]

на классической схеме: поколение молодых людей восстает против поколения отцов, и в этом оно находит поддержку у более ранних поколений, в данном случае представителей реалистической литературы. Само название направления (новый реализм) указывает на эту точку соприкосновения, хотя в начале 2000-х этот термин вызвал бесчисленные споры.

Как термин «новый реализм» использовался в истории русской литературы и раньше, достаточно вспомнить произведение Ивана Гончарова «Лучше поздно, чем никогда». О возрождении реализма в начале XX века также писал Замятин в своей статье «Новая русская проза» [КАЛИТА 2015: 135–138]. В конце XX века новыми реалистами называли себя еще три группировки писателей. Одна такая группировка была организована вокруг писателя, критика и историка литературы Павла Басинского (в ее состав входят Олег Павлов и Алексей Варламов). Следует отметить, однако, что термин новый реализм никогда не использовался Басинским, но в то же время он стремился определить понятие реализма и интерпретировать его роль [БАСИНСКИЙ 1993]. Центральная фигура и теоретик другой группы – Сергей Казначеев. Члены Союза писателей Москвы (включая Михаила Попова, Юрия Козлова, Владимира Артемова) организовали три конференции (в 1997, 1999 и 2000 годах) по проблемам нового реализма. Доклады опубликованы в книге «*Новые реалисты – XXI век*».⁶ Казначеев видит разницу между отдельными художественными школами и стилями в их отношении к Богу, миру и человеку [КАЗНАЧЕЕВ 2011: 94]. Фактически, он различает реалистическое и нереалистическое искусство на основе моральных и религиозных убеждений творцов художественных произведений. По его определению реализм означает уважение к действительности, стремление к правде жизни. Казначеев видит в жизни воплощение высшей идеи, и в этой концепции человек является носителем тайны бытия. Третья группировка, созданная самим поколением «нулевых», состоит из молодых писателей и критиков, определяющих себя новыми реалистами.

Другой центральный момент дискуссии о новом реализме – это вопрос о природе и характере новизны. Чтобы ответить на этот вопрос, конечно, необходимо дать определение понятию реализма. Сложность задачи заключается в том, что этот термин используется также и в нескольких научных дисциплинах, поэтому попытки дать ему определение постоянно вызывают все новые и новые проблемы.⁷ И критики-новые реалисты, вместо того, чтобы исследовать

⁶ Доклады, прочитанные на конференции, и статьи, опубликованные в сборнике, рассматриваются Казначеевым в исследовании [КАЗНАЧЕЕВ 2011].

⁷ Феномен реализма всегда присутствовал во всех видах искусства, принимая различные формы, трансформируясь и обогащаясь достижениями других художественных систем. В своей основной монографии о реализме [КЕЛДЫШ 1975] Келдыш представляет реализм способным учесть особенности нереалистических тенденций. В его интерпретации реалистическое искусство, синтетичное по своей природе, адаптирует и творчески перерабатывает решения и результаты отличных от него тенденций и течений. Эту мысль продолжит Скоропанова, которая заявила, что, как и модернизм в начале 20-го века, постмодернизм в конце 20-го века очень помог реализму обновиться и не остановиться в развитии [СКОРОПАНОВА 2004: 345]. Согласно этому, «непобедимость» реализма заключается как раз в его способ-

его смысловые слои с помощью научных методов⁸, развертывают свои метафорические описания, местами полные пафоса.

Шаргунов считает, что писатели должны создавать мир, напоминающий конкретную воспринимаемую ими реальность, но не обязательно совпадающий с ней. Сенчин, однако, менее уступчив, утверждая, что функционирование воображения писателя должно быть ограничено, поскольку он считает более важной задачей искусства запечатление реалистичных описаний, образов людей, ситуаций и настроений. Неслучайно Сенчин, провозглашающий социальную функцию литературы, считает Чернышевского и Добролюбова своими предшественниками [СЕНЧИН 2010]. Как критик, он также рассматривает отдельные произведения в контексте общественной жизни. Он с особым энтузиазмом относится к произведениям, располагающимся на грани художественной и документальной литературы и считающимся человеческими документами.⁹

Более философский подход можно найти у Валерии Пустовой, которая пытается определить новый реализм в своих произведениях, полных образов и метафор. «Суть нового в новом реализме следует выявлять не через сопоставление с постмодернизмом, как это делалось до сих пор, а через отчетливое размежевание с традиционным, уж точно не новым, реализмом.» [ПУСТОВАЯ 2005] Исходя из разграничений и различий Пустовой¹⁰, новый реализм – это не столько литературное направление, сколько философская категория, выражающая отношение к миру. Изображение событий повседневной жизни, по мнению критика, – это не просто документирование, а, скорее, стремление к раскрытию истины. В концепции Пустовой новый реализм улавливает сущность, центральную идею в вещах и людях, проникает в глубину событий. То есть, он фактически превосходит все, что воспринимается ощущениями и

ности к интеграции и перевоплощению. Однако из этого также следует, что невозможно дать общее и исчерпывающее определение понятия реализма, скорее можем говорить о его конкретных версиях, которые обычно выражаются с помощью эпитетов-определений [САБО 2015: 63].

⁸ Инна Калина также отмечает, что критики-новореалисты принимают эту концепцию как должное, спорят о ней, но в то же время никто из них действительно не занимается теоретическим обоснованием, структурированием характеристик и компонентов нового реализма [КАЛИНА 2015]. Пожалуй, исключением является Алиса Ганиева, которая наиболее близко рассматривает новый реализм с точки зрения филологии. Она видит в новом реализме литературную тенденцию, которая, воспринимая кризис парадигматического отношения к реальности, объединяет черты и решения, характерные для постмодернизма (мир как хаос, отказ от авторитета, акцент на телесности), реализма (типичный герой, типичные обстоятельства) и романтики (разрыв между действительностью и идеалом, противостояние между «я» и обществом). Именно поэтому это мировоззрение, демонстрирующее большое художественно-стилистическое разнообразие, представляющее поиск и неудовлетворенность, проявляется в самых разных произведениях [ГАНИЕВА 2007].

⁹ О происхождении термина и его применении в России см. [ЯКОВЛЕВА 2012].

¹⁰ В своей докторской диссертации Серова суммирует сопоставления Пустовой в таблице, в которой четко прослеживается различие между бытовым реализмом и новым реализмом [СЕРОВА 2015: 132–134].

рациональным мышлением, преодолевая границы реальности.¹¹ «Реальность – это то, что должно быть преображено (во имя искусства), – гласит предполагаемый принцип нового реализма.» [ПУСТОВАЯ 2005] Уже в написанном Пустовой годом ранее «Манифесте новой жизни» был сформулирован этот миф: новый реализм революционным образом трансформирует мир на метафизическом уровне, он способен создавать новую культуру и реальность. Эта волюнтаристская идея, как видно из проанализированных или упомянутых мной произведений, характеризует как писателей, так и критиков, называющих себя новыми реалистами, а также симпатизирующих им художников. Важную роль в самоопределении поколений играет возросшее ожидание нового и потребность в новом, а также чувство миссии. Пустовая считает своего современника Шаргунова хранителем возрождения. Она рассматривает его роман «Ура!» не с литературной точки зрения, а видит в нем манифест молодости жизни и русской культуры, потому что в романе изображается герой, способный преодолеть бессмыслие, безнадежность и отчаяние. Духовный кризис, бессилие и безысходность американско-европейской цивилизации для Пустовой воплощены в романе Т. Толстой «Кысь». Однако, согласно прогнозу О. Шпенглера, молодая русская душа возродится после двухтысячного года, и, по словам Пустовой, Шаргунов сыграет в этом особую роль. «Если верить Освальду Шпенглеру и собственному предчувствию, „свежесть” его „крови”, его молодость и подобные ему молодые люди помогают возрождению России, ее души, ее религии, ее судьбы.» [ПУСТОВАЯ 2004]

Видение обновления также проявляется в критических статьях и журналистике Романа Сенчина. Важный идеолог и создатель программы нового реализма наиболее решительно представляет идею о том, что на литературной сцене появилось новое поколение, миссия которого – преобразовать литературу. Его работа «Новый реализм – направление нового века» появилась почти одновременно с манифестом Шаргунова. В ней Сенчин, с одной стороны, атакует постмодернизм, а с другой – восхваляет свежесть и новизну, привносимую молодыми писателями. Он считает, что молодые люди свободны от всех идеологических и эстетических ограничений, которые определяли старшее поколение, при этом они следуют традициям классической русской литературы.¹²

Разделение поколений становится повторяющимся мотивом в критике Сенчина. Он также различает поколения «тридцатилетних» и «двадцатилетних» в группе новых реалистов [СЕНЧИН 2005]. К первым относятся, например, Илья Кочергин, Дмитрий Новиков, Денис Гуцко, а ко вторым – Шаргунов, Аркадий Бабченко, Максим Свириденков и Захар Прилепин. Поколение бунта,

¹¹ Карен Степанян называет возвращение к концепции реализма в средневековой философии новым реализмом. Он напоминает, что реализм означает признание универсалий, существующих независимо от человеческого разума. Универсалии предшествуют вещам, они составляют основу бытия и материального мира. Представители нового направления верят в существование высшей духовной сущности и обращают на это внимание читателя [СТЕПАНЯН 1992: 235].

¹² И неприятие постмодернизма, и недоверие к поколению шестидесятников объединяют поколения «нулевых», являясь частью общего нарратива.

вторжения в литературную жизнь, стремления занять свое пространство представлена последней группой, поэтому не случайно сюда причисляется и Прилепин, который по возрасту принадлежит к группе тридцатилетних. Сенчин считает «тридцатилетних» гораздо более индивидуалистическими писателями, поскольку они пишут на менее обширные и всезатрагивающие темы. Однако в 2010 году он больше не видит динамики и смелости «двадцатилетних». Критика разочаровывает тот факт, что новые реалисты также не придерживаются чисто реалистического способа изображения действительности, они отрываются от окружающего мира и обращаются к историческим темам, давая место воображению и экспериментам с формой. «...Из поколения потенциальных борцов делают первое поколение идеально дисциплинированных работников каптруда» [СЕНЧИН 2011: 66] – гласит его суждение.

В то время как Сенчин рассматривает возвратившуюся в Россию эмигрантскую литературу как один из источников нового реализма, Прилепин рассматривает социальные явления как предпосылки для возникновения нового течения. Главными предпосылками он считает разочарование в идеях либерализма и осязаемое усиление ностальгии по советскому миру. Среди литературных предшественников Сенчин называет Эдуарда Лимонова и Александра Проханова: «...выросло целое поколение людей, которые не просто читали Эдуарда Лимонова и чуть в меньшей степени Александра Проханова, но и предпочли их, скажем, Аксенову и Войновичу. То есть харизму, бравату и окрашенный в красно-коричневые цвета нонконформизм предпочли замечательным буржуазным ценностям.» [ПРИЛЕПИН 2012: 208] В книге «Поколение Лимонки»¹³, опубликованном в 2005 году с предисловием Лимонова, прослеживается в действии этот бунтарский протестный дух, повышенное сопротивление всему. Характерные мотивы произведений в этом сборнике – отчуждение, отвращение, бегство, поиск крайности, повышенная телесность, смерть. Персонажи отвергают представителей власти и поколение родителей, по сути, они не принимают ничего, что хоть как-то отличается от них. В резком разграничении своего и чужого у них выражается отчаяние поколения [ГАНИЕВА 2007]. Критики нового реализма, в том числе Алиса Ганиева, считают выражение общей неудовлетворенности более важным, чем эстетическую оформленность, и поэтому относятся с пониманием к стилистическим ошибкам, недоработанному, однобокому, монологичному, памфлетному построению текста. Максим Свириденков в своей статье «Ура, нас переехал бульдозер!» находит оправдание недостаткам в образовании и мастерстве, отождествляя новое поколение литературных деятелей с варварами на пепелище Рима, которые появились, когда

¹³ «Лимонка» – это название газеты с одной стороны, и отсылка к Лимонову с другой. Дополнительным моментом, отсылающим к писателю, является то, что в начале каждой главы можно прочитать одну цитату Лимонова. Редактор сборника Анатолий Глушенко считает, что новый реализм начался с Лимонова. В 2001 году Шаргунов отдал Лимонову деньги, полученные им в качестве награды премии «Дебют», чтобы писатель, арестованный по обвинению в терроризме, мог оплатить гонорары своего адвоката. Шаргунов убежден, что значительная часть новых авторов вышла из шинели Лимонова.

римская цивилизация уже изжила, истощила себя [СВИРИДЕНКОВ 2005].¹⁴ Одна из важных особенностей нового поколения, по словам Свириденкова, заключается в том, что оно практически не знает советский период, поэтому ностальгии по нему у него нет. Это преувеличенное обобщение фактически предполагает, что представители поколения не хотят и не способны размышлять о прошлом. Подобное упрощение можно найти в замечаниях насчет того, как действует художественный текст. Свириденков считает, что произведение должно быть понятным, автор не должен обременять читателя задачей интерпретации метафор и образов.

Андрей Рудалев также не подходит к литературе с эстетическими ожиданиями: как критик он считает важным при оценке текстов православный элемент, наличие инстинкта веры и критерий русскости. Он приписывает новому реализму решающую роль в сохранении национальной идентичности, а писатели нового поколения¹⁵, которые одновременно являются романтическими мятежниками и революционерами, по его мысли призваны возродить имперское сознание. Новый реализм «...выходит на улицу, организует конспиративные организации, заставляет видеть мир многогранным и пестрым, читает еще далекие аккорды приближающегося нового гимна» [РУДАЛЕВ 2010]. Отсюда также следует, что у писателя и критика есть не только литературные обязанности, но и миссия: священник, врач и учитель в одном лице, которым суждено изменить и преобразить мир [РУДАЛЕВ 2007].

Представители нового реализма, их критические работы, публицистические статьи и художественные произведения не были встречены с явным энтузиазмом, и появилось много возражений и критических замечаний по поводу этого явления. Из них я сейчас упомяну в первую очередь те, в которых также отражается поколенческий нарратив. Игорь Фролов, участник дебатов 2010 года, тоже подчеркивает сплоченность поколений, но с отрицательным знаком. Он говорит о новореалистах следующее: «Они дети развала страны, распада прежних культурных ценностей. Это дети, потерявшие отцов, – в смысле литературной преемственности.» [ФРОЛОВ 2010] Они выросли беспризорниками, поэтому менее образованы, но громко заявляют о себе в литературной жизни. Они делают это несмотря на то, что по утверждению Фролова, они меньше всего умеют обращаться со словом.¹⁶ А критики нового реализма, как правило, занимаются

¹⁴ Свириденков также не считает удачным название «новый реализм», поскольку, по его мнению, появление нового поколения не означает, что реализм тоже обновился. В его интерпретации реализм может быть только одного вида, который честно отражает окружающую действительность. Единственная проблема с этим подходом состоит в том, что критик воспринимает понятия реальности, честности и отражения как данность и беспроблемность.

¹⁵ Рудалев связывает появление нового поколения с правым идеологическим поворотом, возрождением принципа русскости, а сам новый реализм рассматривает как силу сопротивления, которая также должна трансформировать социальные и экономические отношения. Однако для этого необходимо сначала изучить противоречия современной жизни.

¹⁶ Однако важно отметить, что глубина критической деятельности Фролова, обоснованность его суждений, недостаточность его аргументирования и его языковая сформулированность отмечались многими. Говоря о современной критике, Щербинина считает одной из самых

содержанием, мало обращая внимания на форму. Эта точка зрения находит отражение в трудах других наиболее авторитетных критиков. В то время как Наталья Ивановой не хватает поэтики, художественной обработки, языкового оформления и воображения в произведениях новых реалистов [ИВАНОВА 2010], Алла Латынина недовольна достижениями новореалистической критики. В своем обзоре «Новая русская критика» она выразила мнение, что нет необходимости в группах, организованных на основе поколений, поскольку компетентность имеет первостепенное значение, будь то писатель или критик. По ее мнению, за прилагательным «молодой» скрываются непрофессионализм и некомпетентность¹⁷ [ЛАТЫНИНА 2010]. По правде говоря, следует отметить, что Сенич также выбрал в антологию сочинения, которые ставят под сомнение и оспаривают поколенческий миф новых реалистов. Широко признанная и считающаяся талантливым критиком, Дарья Маркова, например, считает искусственным сообщество, создаваемое конкурсами и семинарами для молодежи. «А я ни манифесты не люблю, ни как новое поколение себя не расцениваю» – говорит [МАРКОВА 2003]. Поколенческий шовинизм¹⁸, одержимая категоричность также не привлекает Дениса Гуцко, и он дает это понять тем, что он не верит в существование нового реализма как литературного направления [ГУЦКО 2007].

Если рассмотреть, что случилось с группой писателей-критиков, которые считали себя новыми реалистами, мы увидим, что им удалось завоевать свое место в культурном пространстве. И большую роль в этом сыграли саморепрезентация и поколенческий нарратив. Потребность в постоянном присутствии, произнесение лозунгов (молодость, честность, серьезность, новизна, свежесть), осознанное использование различных методов PR, новые формы контакта с читателями привели к тому, что писатели поколения нулевых стали заметными действующими лицами в литературной жизни. Они получали премии, публиковались в журналах разной направленности («Новый Мир», «Октябрь», «Знамя», «Наш современник», «Завтра»), участвовали в телепрограммах и литературных дискуссиях разной идеологической направленности, издавались популярными издательствами, их произведения часто переводились на иностранные языки. В то же время нельзя сказать, что новый реализм как направление был объединен и укреплен. Отдаленность от современных событий, дистанцирование от реальности 2010-х годов также прослеживается в творчестве писателей-новореалистов. Таким образом, новый реализм скорее

больших проблем упрощение, исчезновение объяснений и рассуждений, исчезновение анализа, ориентированного на произведение, и чрезмерный акцент на личностях критиков. Это также говорит о двойных стандартах: художников, принадлежащих к данному критическому кругу, судят иначе, чем тех, кто находится вне этого круга. Поскольку писатели также часто являются критиками, хорошо прослеживается метод взаимной похвалы или взаимного осуждения. Как критики, они обычно хвалят писателя, который прославит их произведения в своей критике [ЩЕРБИНИНА 2014].

¹⁷ Беляков также отмечает необразованность молодых писателей [БЕЛЯКОВ 2010].

¹⁸ Михаил Бойко также считает, что новые реалисты образуют своеобразную секту. Они занимаются только самопродвижением и не замечают ничего отличающегося от них, даже не интересуясь этим [БОЙКО 2010].

можно рассматривать как своего рода мост, соединяющий советскую литературу XX века с новой, все еще развивающейся литературой [КАЛИТА 2015: 139].

Библиография

- БАСИНСКИЙ, П. [BASINSKIĬ, P.] 1993: Возвращение. Полемические заметки о реализме и модернизме // Новый Мир [Return. Polemic notes on realism and modernism // Novyj Mir], 11. 230–238.
- БЕЛЯКОВ, С. [BELĀKOV, S.] 2010: Истоки и смысл «нового реализма»: к литературной ситуации нулевых // Российский писатель [The origins and meaning of "new realism": towards the literary situation of the 2000s // Russkij pisatel'] // <http://www.rospisatel.ru/konferenzija/beljakov.htm> (дата обращения: 14.02.2021).
- БОЙКО, М. [BOJKO, M.] 2010: О дивный новый реализм. И вечное возвращение того же самого // Литературная газета 12 [O brave new realism. And the eternal return of the same // Literaturnâ gazeta 12] // <https://lgz.ru/article/N12--6267---2010-03-31-/O-divn%D1%8By-nov%D1%8By-r%D0%B5alizm12106/> (дата обращения: 17.03.2021).
- ГАНИЕВА, А. [GANIEVA, A.] 2007: И скучно, и грустно. Мотивы изгойства и отчуждения в современной прозе // Новый Мир, 3 [Both boring and sad. Motives of exile and alienation in modern prose // Novij mir, 3] // https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2007/3/i-skuchno-i-grustno.html (дата обращения: 12.02.2021).
- ГОВОРУХИНА, Ю.А. [GOVORUHINA, Ū.A.] 2015: Русская литературная критика на рубеже XX-XXI веков [Russian literary criticism at the turn of the XX-XXI centuries] // Russian Literature, 3. 337–366.
- ГОВОРУХИНА, Ю.А. [GOVORUHINA, Ū.A.] 2019: Русская литературная критика на рубеже XX-XXI веков. Москва: ИНФРА [Russian literary criticism at the turn of the XX-XXI centuries. Moscow: INFRA].
- ГУЦКО, Д. [GUCKO, D.] 2007: Высоконравственная затея // Вопросы литературы [Highly moral idea // Voprosy literature], 4. 101–105.
- ИВАНОВА, Н. [IVANOVA, N.] 2010: Трудно первые десять лет // Знамя, 1 [Difficult first ten years // Znamâ, 1] // <https://znamlit.ru/publication.php?id=4158> (дата обращения: 29.10.2020).
- КАЗНАЧЕЕВ, С.М. [KAZNAČEEV, S.M.] 2011: Новый реализм: очередное возрождение метода // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология [New realism: another revival of the method // Humanitarian vector. Series: Pedagogy, Psychology], 4. 91–95
- КАЛИТА, И. [KALITA, I.] 2015: Дело о «новом реализме» // Вопросы литературы [The case of "new realism" // Voprosy literature], 6. 123–139.
- КАЛИТА, И. [KALITA, I.] 2016: «Новый реализм» русской литературы в зеркале манифестов XXI века ["New realism" of Russian literature in the mirror of the manifestos of the XXI century] // Slavica Litteraria, 1. 67–80.
- КЕЛДЫШ, В.А. [KELDYŠ, V.A.] 1975: Русский реализм начала XX в. Москва: Наука [Russian realism at the beginning of the XX century. Moscow: Nauka].
- ЛАТЫНИНА, А. [LATYNINA, A.] 2010: Манифестация воображаемого // Знамя [The manifestation of the imaginary // Znamâ], 3. 192–195.
- МАРКОВА, Д. [MARKOVA, D.] 2006: Новый-преновый реализм, или Опять двадцать пять // Знамя, 6 [New-new realism, or Again twenty-five // Znamâ, 6] // <https://znamlit.ru/publication.php?id=2993> (дата обращения: 29.01.2021).

- ПРИЛЕПИН, З. [PRILEPIN, Z.] 2012: Книгочет: пособие по новейшей литературе с лирическими и саркастическими отступлениями. Москва: Астрель [Book reader: a guide to the latest literature with lyrical and sarcastic digressions. Moscow: Astrel].
- ПУСТОВАЯ, В. [PUSTOVAĀ, V.] 2004: Манифест новой жизни // Пролог, 3 [Manifesto of a New Life // Prologue, 3] // <http://www.ijp.ru/text/602> (дата обращения: 28.11.2020).
- ПУСТОВАЯ, В. [PUSTOVAĀ, V.] 2005: Пораженцы и преображенцы. О двух актуальных взглядах на реализм // Октябрь, 5 [Defeaters and Transfigurations. About two actual views on realism // Oktâbr', 5] // <https://magazines.gorky.media/october/2005/5/porazhenczy-i-preobrazhenczy.html> (дата обращения: 28.11.2020).
- РУДАЛЕВ, А. [RUDALEV, A.] 2007: В ожидании критики // Вопросы литературы [Waiting for criticism // Voprosy literatury], 4. 42–61.
- РУДАЛЕВ, А. [RUDALEV, A.] 2010: Катехизис «нового реализма» // Вторая волна [Catechism of "New Realism" // Vtoraâ volna] // <http://www.rospisatel.ru/konferencija/rudaljev.htm> (дата обращения: 29.01.2021.)
- САБО, Т. [SZABÓ, T.] 2015: Родословная «Сонечки». Генетический фон повести Л. Улицкой [Sonečka's pedigree. The genetic background of L. Ulickaâ 's story]. Szombathely: Szláv Történeti és Filológiai Társaság.
- СВИРИДЕНКОВ, М. [SVIRIDENKOV, M.] 2005: Ура, нас переехал бульдозер! // Континент, 125 [Hurray, we were run over by a bulldozer! // Kontinent, 125] // <https://magazines.gorky.media/continent/2005/125/ura-nas-pereehal-buldozer.html> (дата обращения: 10.03.2021).
- СЕНЧИН, Р. [SENČIN, R.] 2001: Новый реализм – направление нового века // Пролог, 3 [New realism - the direction of the new century // Prologue, 3] // <http://www.ijp.ru/text/260> (дата обращения: 05.01.2021).
- СЕНЧИН, Р. [SENČIN, R.] 2005: Свечение на болоте // Знамя [Glow in the swamp // Znamâ], 5. 191–202.
- СЕНЧИН, Р. [SENČIN, R.] 2009: Новая русская критика. Нулевые годы. Москва: Олимп [New Russian criticism. The Zero years. Moscow: Olimp].
- СЕНЧИН, Р. [SENČIN, R.] 2010: Питомцы стабильности или грядущие бунтари? Дебютанты нулевых годов // Дружба Народов, 1 [Pets of stability or upcoming rebels? Debutants of the 2000s // Družba Narodov, 1] // <https://magazines.gorky.media/druzhba/2010/1/pitomczy-stabilnosti-ili-gryadushhie-buntari.html> (дата обращения: 29.11.2020).
- СЕНЧИН, Р. [SENČIN, R.] 2011: Не стать насекомым. Публицистика. Критика. Очерк. Москва: Литературная Россия [Don't become an insect. Journalism. Criticism. Feature article. Moscow: Literarnaâ Rossiâ].
- СЕРОВА, А. [SEROVA, A.] 2015: Новый реализм как художественное течение в русской литературе XXI века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Нижний Новгород [New realism as an artistic trend in Russian literature of the XXI century. Dissertation for the degree of candidate of philological sciences. Nižnij Novgorod].
- СКОРОПАНОВА, И.С. [SKOROPANOVA, I.S.] 2004: Русская постмодернистская литература. Москва: Флинта, Наука [Russian postmodern literature. Moscow: Flinta, Nauka].
- СТЕПАНЯН, К. [СТЕПАНĀN, K.] 1992: Реализм как заключительная стадия постмодернизма // Знамя, 9 [Realism as the final stage of postmodernism // Znamâ, 9], 231–238.

- ФРОЛОВ, И. [FROLOV, I.] 2010: Чудище стозевно и безъязыко. Новый реализм как диктатура хамства // Литературная газета, 11 [The monster is with a hundred mouths and tongueless. New realism as a dictatorship of rudeness // Literaturnâ gazeta, 11] // <https://lgz.ru/article/N11--6266---2010-03-24-/Chudisht%D0%B5-stoz%D0%B5vno-i-b%D0%B5zayaz%D1%8Bko12025/> (дата обращения: 13.01.2021).
- ЧУДАКОВА, М.О. [ĀUDAKOVA, M.O.] 1998: Заметки о поколениях в советской России // Новое литературное обозрение [Notes on generations in Soviet Russia // Novoe literaturnoe obozrenie], 12. 73–91.
- ЯКОВЕНКО, И.Г. [ĀKOVENKO, I.G.] 2005: Механизмы культурной динамики и смена поколений // Поколение в социокультурном контексте XX века. Москва: Наука [Mechanisms of cultural dynamics and change of generations // Generation in the socio-cultural context of the twentieth century. Moscow: Nauka], 112–139.
- ЯКОВЛЕВА, Н. [ĀKOVLEVA, N.] 2012: «Человеческий документ»: история одного понятия [“Human document”: the history of one concept], Helsinki: University of Helsinki.
- ШАРГУНОВ, С. [ĀARGUNOV, S.] 2001: Отрицание траура // Новый мир, 12 [Denial of mourning // Novij mir, 12] // https://magazines.gorky.media/novy_i_mi/2001/12/otriczanie-traura.html (дата обращения: 28.11.2020).
- ЩЕРБИНИНА, Ю. [ĀERBININA, Ū.] 2014: После двоеточия. О насущных задачах литературной критики // Октябрь, 5 [After the colon. On the urgent problems of literary criticism // Oktâbr', 5] // <https://magazines.gorky.media/october/2014/5/posle-dvoetochiya.html> (дата обращения: 03.04.2020).
- GORETITY, J. 2013: Az orosz „új realizmus” értelme és eredete [The sense and origin of Russian „New-realism”] // Tiszatáj 8. 22–33.

Жужанна КАЛАФАТИЧ
Будапештский экономический университет
Будапешт, Венгрия
Kalafatics.Zsuzsanna@uni-bge.hu
ORCID ID: 0000-0001-7093-7788